

Поэтому-то Джемсъ никогда и не дѣлалъ ей серьезныхъ предложеній. Чего онъ хочетъ отъ нея, я собственно не знаю. Я не понимаю по-французски; онъ говоритъ, что хочетъ ее «lancer» и сдѣлать ей «sort». Она ему говорила, что у нея есть какія-то требованія къ моему мужу, и Джемсъ думаетъ, что если исполнить эти требованія, она сдѣлается благосклоннѣе къ нему. Мы и явились для того, чтобы поговорить съ ней объ этомъ.

— А теперь, узнавши о моихъ отношеніяхъ къ этой дамѣ,—спросилъ Бруно, продолжая обращаться къ Сузаннѣ,—все-ли вашъ сынъ намѣренъ сдѣлать ей «un sort»?

Тутъ Джемсъ въ первый разъ рѣшился отвѣтить самъ за себя. По прежнему блѣдный, но съ такимъ выраженіемъ, какъ будто совершалъ геройскій подвигъ, онъ произнесъ: — Да, я все еще намѣренъ.

Бруно поднялся съ мѣста. Въ эту минуту въ комнату вошла Гермина. Въ полголоса, такъ чтобы другіе не слышали, Бруно сказалъ Джемсу:

— Въ присутствіи дамъ намъ невозможно объясниться. При первой удобной минутѣ мы съ вами поговоримъ.

И быстро отвернувшись отъ Джемса, онъ произнесъ громко, обращаясь къ Герминѣ:

— Вы никогда больше не увидите ни г-жи Ульменгольдъ, ни ея сына. Мнѣ извѣстно, что вы уже давно хотите сказать имъ въ лицо все, что имѣете противъ нихъ. Воспользуйтесь этимъ послѣднимъ случаемъ.

— Да,—сказала Гермина,—я давно уже напрасно пыталась объясниться. Ни васъ, г-жа Ульменгольдъ, ни вашего сына я не считаю участниками въ моихъ несчастіяхъ, тѣмъ желательнѣе для меня, чтобы вы узнали всю правду.—И она рассказала имъ исторію своихъ несчастій и исторію ихъ собственнаго богатства.

Разсказъ Гермины произвелъ на Сузанну свое впечатлѣніе. Она не хотѣла вѣрить, чтобы мужъ ея сознательно сдѣлалъ несправедливость, и выразила увѣренность, что если онъ какъ-нибудь неумышленно былъ причиной несчастія, онъ непременно поправитъ его. Но на Джемса этотъ разсказъ произвелъ необычайно сильное дѣйствіе. Въ устахъ Гермины правда звучала такими неотразимо сильными нотами, она сама при этомъ была такъ прекрасна, что въ молодомъ Ульменгольдѣ произошло нѣчто неожиданное: онъ почувствовалъ раскаяніе за свое прежнее поведеніе. Онъ теперь былъ убѣжденъ въ правотѣ Гермины. Въ этомъ убѣжденіи его еще больше подкрѣпили юридическій авторитетъ Бруно и его собственныя наблюденія надъ отцомъ. Уже